

Иван Александрович Ильин

О России. Три речи

Аннотация

Статьи Ивана Александровича Ильина, написанные им с 1948 по 1954 гг. в виде бюллетеней «Наши задачи», несмотря на прошедшие 50 лет не только не утратили своей актуальности, но, как хорошее вино, улучшающееся с течением времени, стали ещё более понятны и ЗНАЧИМЫ на фоне происходящего (и предсказанного И. А.Ильиным) в Российской Федерации («РФ») «демократического геноцида» русского народа.

Печатается по изданиям:

И. А. Ильин. О России. Три речи. 1926-1933. София, изд. «За Россию», 1934

И. А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948-1954. Том I. Изд. Русского Обще-Воинского Союза. Париж, 1956

Издание второе. Издание осуществлено благодаря помощи и поддержке господина С.В. ИВАШКЕВИЧА

В наше время, время видимого крушения России, а на самом деле – время ее мученического очищения, ее исторического оправдания и духовного возрождения в перерожденном виде; в наши дни, дни великого соблазна для близоруких и великих надежд для дальновзорких; – когда русский народ, всеми иными народами преданный и покинутый, сам с собой наедине, перед лицом Божиим, добывает себе свободу голодом и кровью, пытаясь по-самсоновски повалить на себя капище Дагона, но выйти из-под развалин с молитвою на устах и с приговором для своих врагов; в такое время, в такие дни, когда у каждого русского сердце горит от святой любви и священного гнева, когда уже иноземцы начинают постигать мировое и пророческое значение русской трагедии и содрогаться о своей собственной судьбе, – чудится мне, что у всех у нас есть потребность обратиться к России в ее историческом целом, окинуть взором, сколько его хватит, нашего взора, пути, и судьбы, и задания нашей Родины, основы и первоосновы ее культуры, из коих все вышло и к коим все сводится, увидеть их в их силе и славе, увидеть их в их опасных уклонах и соблазнах, увидеть все это не только в исторической ткани нашей страны, но и в нас самих, в наших душах, в их сознательном и бессознательном укладе, в явных деяниях дня и в тайных сновидениях ночи; с тем, чтобы каждый из нас осязал в самом себе и чудесные дары нашей России, составляющие самую русскость нашей русскости, и те пробелы, те слабости, те недо строенности и неустроенности русской души, которые не дали нам устоять против мирового соблазна, но привели наш народ на гноище мировой истории, те несовершенства и незавершенности нашего национального характера, без одоления которых нам не построить России, ни нам, ни нашим детям и внукам...

Духовная культура народа не есть его почетное кладбище; не есть только музей его лучших свершений, или все множество его вещественных и сверхвещественных созданий; нет, – она живет и творится и в нас, его сынах, связанных со своею родиной любовью, молитвою и творчеством; она живет незримо в каждом из нас, и каждый из нас то бережет и творит ее в себе, то пренебрегает ею и запускает ее... Россия не только «там», где-то в

бескрайних просторах и непроглядных лесах; и не только «там», в душах ныне порабощенного, но в грядущем свободного русского народа; но еще и «здесь», в нас самих, с нами всегда, в живом и таинственном единении. Россия всюду, где хоть одна человеческая душа любовью и верою исповедует свою русскость. И потому возрождение и перерождение ее совершается в нас, в наших душах, в их горении, творческом напряжении и очищении. Очистившиеся души найдут новые молитвы; созревшие души породят новые дела. Новыми молитвами и новыми делами обновится Россия и ее культура

Мы призываем думать об этом и трудиться над этим день и ночь, – и там в России, в рабском стеснении городов, на ограбленных полях, в каторге ссыльного труда; и здесь за рубежом, сидя в бесправии и уничтожении у негостеприимных очагов недопогибших народов. И прежде всего, и больше всего каждый из нас призван, не соблазняясь иностранными и инославными суждениями о нашей России и предоставляя упорствующим в слепоте стать жертвою их слепоты, – постигнуть Россию з ее вечном, исторически духовном естестве, найти ее в себе и найти в своей душе то место, от которого он мог бы ныне же заткать новую ткань своей жизни, как ткань Ее жизни

Видим Россию любовью и верою; делим ее муку, и знаем, что придет час ее воскресения и возрождения. Но дня и часа не знаем, ибо они во власти Божией.

1. О РОССИИ

Разве можно говорить о ней? Она – как живая тайна: ею можно жить, о ней можно вздыхать, ей можно молиться; и, не постигая ее, блюсти ее в себе; и благодарить Творца за это счастье; и молчать...

Но о дарах ее; о том, что она дала нам, что открыла; о том, что делает нас русскими; о том, что есть душа нашей души; о своеобразии нашего духа и опыта; о том, что смутно чувствуют в нас и не осмысливают другие народы... об отражении в нас нашей Родины – да будет сказано в благоговении и тишине.

* * *

Россия одарила нас бескрайними просторами, ширью уходящих равнин, вольно пронизываемых взором да ветром, зовущих в легкий, далекий путь. И просторы эти раскрыли наши души и дали им ширину, вольность и легкость, каких нет у других народов. Русскому духу присуща духовная *свобода*, внутренняя ширь, осязание неизведанных, небывалых возможностей. Мы родимся в этой внутренней свободе, мы дышим ею, мы от природы несем ее в себе. – и все ее дары, и все ее опасности: и дары ее – способность из глубины творить, беззаветно любить и гореть в молитве; и опасности ее – тягу к безвластью, беззаконию, произволу и замешательству... *Нет духовности без свободы*; – и вот, благодаря нашей свободе пути духа открыты для нас: и свои, самобытные; и чужие, проложенные другими. *Но нет духовной культуры без дисциплины*; – и вот, дисциплина есть наше великое задание, наше призвание и предназначение. Духовная свобода дана нам от природы; духовное оформление задано нам от Бога.

Разливается наша стихия, как весенняя полая вода, – ищет предела вне себя, ищет себе незатопимого берега. И в этом разливе наша душа требует закона, меры и формы; и когда находит, то вращается в эту форму свободно, вливается в нее целиком, блаженно вкушает ее силу и являет миру невиданную красоту...

Что есть форма? Грань в пространстве; мера и ритм во времени; воля, закон и долг в жизни; обряд в религии. Всмотритесь в линии нашей иконы; в завершенные грани наших храмов, дворцов, усадеб и изб; почувствуйте живой, неистощимый ритм нашего стиха, нашей музыки, нашей свободно творимой пляски – все это явления свободы, нашедшей свой закон, но не исчерпанной и не умерщвленной им. Так в старину облик царя венчал собою свободное биение народной жизни, но не подавлял и не умерщвлял его; ибо народ свободно верил своему царю и любил его искренно, из глубины. Так православный обряд наш дышит успокоением и свободой в своей завершенности, цельности, и гармоничной, мерной истовости.

Не разрешена еще проблема русского национального характера; ибо доселе он колеблется между слабохарактерностью и высшим героизмом. Столетиями строили его монастырь и армия, государственная служба и семья. И когда удавалось им их дело, то возникали дивные, величавые образы: русские подвижники, русские воины, русские бессребреники, претворявшие свой долг в живую преданность, а закон – в систему героических поступков; и в них *свобода и дисциплина* становились *живым единством*. А из этого рождалось еще более высокое: священная традиция России – выступать в час опасности и беды добровольцем, отдающим свое достояние и жизнь за дело Божие, всенародное и отечественное... И в этом ныне – наша *белая идея*.

Наша родина дала нам духовную свободу; ею проникнуто все наше лучшее, все драгоценнейшее – и православная вера, и обращение к царю, и воинская доблесть, и наше до глубины искреннее, певучее искусство, и наша творческая наука, и весь наш душевный быт и духовный уклад. Изменить этой свободе – значило бы отречься от этого дивного дара и совершить предательство над собою. А о том, как понести бремя этого дара и отвратить опасности на нашем пути – об этом должны быть теперь все наши помыслы, к этому должны быть направлены все наши усилия. Ибо, если дисциплина без свободы мертва и унижительна, то свобода без дисциплины есть соблазн и разрушение.

* * *

Россия одарила нас огромными природными *богатствами*, и внешними, и внутренними; они неисчерпаемы. Правда, они далеко не всегда даны нам в готовом виде: многое таится под спудом; многое надо добывать из-под этого спуда. Но знаем мы все, слишком хорошо знаем, что глубины наши, – и внешние, и внутренние, – обильны и щедры. Мы родимся в этой уверенности, мы дышим ею, мы так и живем с этим чувством, что «и нас-то много, и у нас всего много», что «на всех хватит, да еще и останется»; и часто не замечаем ни благостности этого ощущения, ни сопряженных с ним опасностей...

От этого чувства в нас разлита некая душевная доброта, некое органическое ласковое добродушие, спокойствие, открытость души, общительность. Русская душа легка, текуча и певуча, щедра и нищелюбива, – «всем хватит и еще Господь пошлет»... Вот они – наши монастырские трапезы, где каждый приходит, пьет и ест, и славит Бога. Вот оно наше широкое гостеприимство. Вот и эта дивная молитва при посеве, в которой сеятель молится за своего будущего вора: «Боже! Устрой и умножь, и возрасти на всякую долю человека голодного и сирого, хотящего, просящего, и произволяющего, благословляющего и неблагодарного»... И если в простых сердцах так обстоит, то что же думать о сердце царя, где «всей Руси было место» и где был источник любви, справедливости и милости для всех «сирот» без изъятия?..

Да, благодушен, легок и даровит русский человек: из ничего создаст чудесное; грубым топором – тонкий узор избяного украшения; из одной струны извлечет и грусть, и

удаль. И не он сделает; а как-то «само выйдет», неожиданно и без напряжения; а потом вдруг бросится и забудется. Не ценит русский человек своего дара; не умеет извлекать его из-под спуда, беспечное дитя вдохновения; не понимает, что талант без труда – соблазн и опасность. Проживает свои дары, проматывает свое достояние, пропивает добро, катится вниз по линии наименьшего сопротивления. Ищет легкости и не любит напряжения: развлечется и забудет; выпашет землю и бросит; чтобы срубить одно дерево, погубит пять. И земля у него «Божия», и лес у него «Божий»; а «Божье» – значит «ничье»; и потому чужое ему не запрещено. Не справляется он хозяйственно с бременем природной щедрости. И как нам быть в будущем с этим соблазном бесхозяйственности, беспечности и лени – об этом должны быть теперь все наши помыслы...

* * *

Россия поставила нас лицом к лицу с природой, суровой и захватывающей, с глубокой зимой и раскаленным летом, с безнадежной осенью и бурною, страстною весною. Она погрузила нас в эти колебания, сра-створила с ними, заставила нас жить их властью и глубиной. Она дала нам почувствовать разлив вод, безудерж ледоходов, бездонность омутов, зной засухи, бурелом ветра, хаос метелей и смертные игры мороза. И души наши глубоки и буреломны, разливны и бездонны, и научились во всем идти до конца и не бояться смерти.

Нам стал, по слову Тютчева «родим древний хаос»; и «безглагольные речи» его стали доступны и понятны нашим сердцам. Нам открылся весь размах страстей и все крайности верха и низа, «самозабвенной мглы» и «бессмертного солнца ума» (Пушкин), сонной вялости и буйной одержимости, бесконечной преданности на смерть и неугасимой ненависти на всю жизнь. Мы коснулись, в лице наших Святых, высшей, ангельской праведности; и сами извели природу последних падений, безумства, злодейства и сатанинства. Из этих падений мы вынесли всю полноту покаяния и всю остроту совестных угрызений, сознание своего «ничтожества» и близость к смирению. Но тяжести смирения мы не вынесли и меры его не соблюдали: мы впали в самоуничужение и уныние; и решили, что «мы – перед Западом – ничто». И не справившись с этим чрезмерным бременем, самоглотания и самоуничужения, вознаградили себя мечтанием о том, что «мы – народ богоносец», что мы «соль вселенной»... Мало того, мы не выдержали соблазна этой вседоступности, этой душевной раскачки и впали в духовное всесмешение: мы потеряли грани божественного и небожественного, неба и земли, добра и зла; мы попытались обожествить сладострастие и возвеличить грех; мы захотели воспеть преступление и прославить слепую одержимость; мы отвернулись от стыда, погасили разум, разлюбили трезвение, потеряли дорогу к духовной очевидности. И вот, перед революцией – хлыстовское начало захватило русскую интеллигенцию: возникло хлыстовское искусство, хлыстовская философия, хлыстовская политика, – политика вседоступности и вседозволенности... И воцарилась смута и все пошло верхним концом вниз...

Но соблюдаем же наши дары и одолеем наши соблазны. *Чувство беспредельности*, живой опыт ночной стихии, дар пророческой одержимости – дала Нам наша родина. Отречься от этого дара – значило бы отречься и от нее и от себя. А о том, как понести и оформить этот дар, не падая и не роняя его, как очистить его от соблазнов, как освятить его молитвою и пронизать Божиим лучом, – об этом нам надо болеть и радеть неустанно... Ибо это есть путь к исцелению и расцвету всей русской культуры.

* * *

Всем тем Россия дала нам религиозно-живую, *религиозно-открытую душу* . Издревле и изначально русская душа открылась Божественному и восприняла Его луч; и сохранила отзывчивость и чуткость ко всему значительному и совершенному на земле.

«Нет на земле ничтожного мгновенья», сказал русский поэт; и к испытанью, к удостоверенью этого нам даны живые пути. За обставшими нас, «всегда безмолвными предметами» нам дано осязать незримое присутствие живой тайны; нам дано чутать веяние «нездешнего мира». И наши поэты, наши пророки удостоверили нам, что это духовное осязание нас не обманывает: орлим зраком видели они воочию эту «таинственную отчизну» и свое служение осмысливали сами, как *пророческое* .

Что есть жизнь человека без этой живой глубины, без этой «осиянности и согретости» внутренним светом? Это – земное без Божественного; внешнее без внутреннего; видимость без сущности; оболочка, лишенная главного; пустой быт, бездыханный труп, повапленный гроб; суета, прах, *пошлость* ...

Из глубины нашего Православия родился у нас этот верный опыт, эта уверенность, что *священное есть главное в жизни* и что без священного жизнь становится унижением и *пошлостью* ; а Пушкин и Гоголь подарили нам это клеймящее и решающее слово, которого кажется совсем не ведают другие языки и народы...

Пусть не удастся нам всегда и безошибочно отличить главное от неглавного и священное от несвященного; пусть низы нашего народа блуждают в предчувствующих суевериях, а верхи гоняются сослепу за пустыми и злыми химерами. Страдания, посланные нам историей, отрезвят, очистят и освободят нас... Но к самому естеству русской народной души принадлежит это *взыскание Града* . Она вечно прислушивается к поддонным колоколам Китежа; она всегда готова начать паломничество к далекой и близкой святыне; она всегда ищет углубить и освятить свой быт; она всегда стремится религиозно приять и религиозно осмыслить мир... Православие научило нас освящать молитвою каждый миг земного труда и страдания: – и в рождении, и в смерти; и в молении о дожде, и в окроплении плодов; и в миг последнего, общего, молчаливого присеста перед отъездом; и в освящении ратного знамени, и в надписи на здании университета; и в короновании Царя, и в борьбе за единство и свободу отчизны. Оно научило нас желанию быть *святою Русью* ...

И что останется от нас, если мы развеем и утратим нашу способность к религиозной очевидности, нашу волю к религиозному мироприятию, наше чувство непрестанного предстояния?

* * *

Созерцать научила нас Россия. В созерцании наша жизнь, наше искусство, наша вера...

У зрячего глаза прикованы к дали; у слепого очи уходят вглубь.

О, эти цветущие луга и бескрайние степи! О, эти облачные цепи и гряды, и грозы, и громы, и сверкания! О, эти темные рощи, эти дремучие боры, эти океаны лесов! Эти тихие озера, эти властные реки, эти безмолвные заводы! Эти моря – то солнечные, то ледяные! Эти далекие, обетованные, царственные горы! Эти северные сияния! Эти осенние хороводы и побегии звезд! От вас прозрели наши вещие художники. От вас наше видение, наша мечтательность, наша песня, наша созерцающая «лень»...

Красота учит созерцать и видеть. И тот, кто увидел красоту, тот становится ее пленником и ее творцом. Он мечтает о ней, пока не создаст ее; а создав ее, он возвращается к ней мечтой за вдохновением. Он вносит ее *во все* : и в молитву, и в стены Кремля, и в кустарную ткань, и в кружево, и в дела, и в поделки. От нее души становятся тоньше и нежнее, глубже и певучее; от нее души научаются видеть себя, свое внутреннее и сокровенное. И страна дает миру духовных ясновидцев.

Можно ли верить, не видя? Можно ли верить от воли и мысли? Может ли рассуждение ума или усилие воли заменить в религии видение сердца? Если это возможно, то это вера не наша; это вера чужая, западная, мертвая. Православная Россия верит иначе, глубже, искреннее, пламеннее. В ее вере есть место и воле; но воля не вынуждает из души веру, а сама рождается от веры, рождается огненная, непреклонная, неистощимая. Есть место и разуму; но разум не рождает веру и не обессиливает ее ни рефлексией, ни логикой, ни сомнением; он сам насыщается верою и мудреет от нее. Вера же рождается от того, что человек *созерцает Бога любовью* ... И да хранят русские души эту веру и ее источники до конца; да не соблазняются чужими неудачами и блужданиями...

Но ведь от чрезмерной созерцательности души становятся мечтательными, ленивыми, безвольными, нетрудолюбивыми... Откроем же себе глаза и на эту опасность; и будем неустанно ковать силу, верность и цельность нашего русского характера.

* * *

Россия дала нам богатую, тонкую, подвижную и страстную *жизнь чувства* .

Что есть душа без чувства? – Камень. – Но разве на одном чувстве можно строить характер народа?..

Носясь без руля и без ветрил, по воле «чувств:», наша жизнь принимает обличие каприза, самодурства, обидчивости, подполья, неуравновешенности и ожесточенности. Но сочетаясь с природной доброю и с мечтою о беспредельности, она создает чудные образы добродетели, гражданской доблести и героизма.

Вот она – эта удоборастворимость русской души: способность умилиться без сентиментальности; простить от всей души; закончить грешную разбойную жизнь подвижничеством. Вот она – русская воля к совершенству: способность к монашескому целомудрию, содержимому втайне; поиски отречения и тишины; простота и естественность в геройстве; верность и стойкость перед лицом мучений и смерти; предсмертная схима русских царей... Вот оно – русское мечтание о *полноте и всецелости* : это всенародное христосование на Пасху; это собиранье всех людей, всех сословий и всех земель русских под единую руку; эта кафоличность веры; эти юношеские грезы о безусловной справедливости; эти наивные мечты о преждевременном и непосильном братстве всех народов... Вот она – эта склонность русского народа взращивать те общественные формы, которые покоятся на братстве или зиждутся *жертвою и любовью* : приход, артель, землячество; монастыри; человеколюбивые учреждения, рождающиеся из жертвы; монархический уклад, немислимый без жертвенной любви к родине и к царю...

И в ряду этих нравственных образов, красуется своею мудростью *древнее* русское соединение и разделение церкви и государства. Церковь учит, ведет, наставляет, советует и помогает: укрепляет, благословляет и очищает; – но не посягает, не властвует, не повелевает и не порабощает. *Она блюдет свободу* – пасомого и пасущего; и потому не заискивает, не покоряется, не раболепствует и не угодничает; она – *власть* , но не от мира

сего; она духовник и ангел хранитель. А государство – бережет, обороняет, покоит церковь и предоставляет ей все необходимое; проверяет себя голосом церкви, ищет совета, духовного умудрения и совестной чистоты. Но и оно не посягает на церковь, не возглавляет ее, не предписывает церкви ее духовного закона и строя. Власть чтит свободу церкви, но не возлагает на нее своего бремени, не искушает ее своими дарами и соблазнами, и сама творит дело своей земной заботы; но творит его религиозно-осмысленно и ответственно.

Есть, чему поучиться Западу у русского Востока. Есть непреходящая мудрость и доблесть в нашей истории...

И пусть не говорят, что «русская культура началась всего лишь один век тому назад», что русский народ малограмотен, что он и думать-то как следует не научился... Духовная культура совсем не исчерпывается культурой рассудочной; напротив, от плоского и самоуверенного рассудка истинная культура разлагается и гибнет. Но есть еще *культура сердца, совести и чувства*, есть культура созерцания, видения; есть культура служения, самоотречения и жертвенности; есть культура веры и молитвы; есть культура храбрости и подвижничества. Этой-то культурой строилась и держалась Россия. И когда она, позже других народов, приступила к разумному и научному оформлению своих, накопленных в духе, богатств, – то ей было откуда черпать свои содержания; и самобытность ее созданий прославилась по всему миру. наших кладезей и рудников, наших подземных озер и горных жил – никто и никогда не сможет отнять у нас. И заменить их было бы нечем: ибо их не даст никакой рассудок и их не заменит никакой «ум». Мало того: без них самый ум есть глупость; без них рассудок уводит науку в несущественность и мертвенное крючкотворство; без них философия становится праздною и кощунственной игрой ума.

Пусть же неосведомленные и духовно слепые люди, выше всего ставящие умственную полуобразованность массы, говорят о мнимой «некультурности» России. На самом деле Россия есть страна древней и самобытной духовной культуры; и не западным ученым позволительно судить о ней понаслышке. И пусть в научной культуре Россия страна молодая; ведь ее старейшему университету только что минуло 175 лет... Что ж, тем богаче и плодотворнее будет ее будущее... И это будущее да будет органически и целостно связано с ее сокровенным духовным богатством!..

Но ведь чувствительность и фантазерство в политике бывают беспочвенны, безвольны, и губительны; а нравственный идеализм может выродиться в сентиментальность, в пустое, рудинское прекраснословие, в моральную заносчивость... Запомним же это! Не забудем этой опасности! Но не отречемся же из-за нее от наших сокровищ и не будем искать спасения в механической пустоте и «американизме»...

* * *

И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык .

В нем вся она, – наша Россия. В нем все дары ее: и ширь неограниченных возможностей; и богатство звуков, и слов, и форм; и стихийность, и нежность; и простота, и размах, и парение; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота. Все доступно нашему языку. Он сам покорен всему мировому и надмирному, и потому властен все выразить, изобразить и передать.

В нем гудение далеких колоколов и серебро ближних колокольчиков. В нем ласковые шорохи и хrustы. В нем травяные шелесты и вздохи. В нем клетот, и грай, и свист, и щебет птичий. В нем грома небесные и рыки звериные; и вихри зыбкие и плески чуть слышные. В нем вся, поющая *русская душа*: эхо мира, и стон человеческий, и зеркало божественных видений...

Пока звучит он, в своей неопиcуемой музыкальности, в своей открытой четкой, честной простоте, в своей скромности, в коей затаилась великая власть, в своем целомудрии, в своей кованности и ритмической гибкости, – кажется, что это звучат сами именуемые предметы, знаменуя о самих себе и о том большем, что скрыто за ними. А когда смолкают его звуки, столь властные и столь нежные, – то водворяется молчание, насыщенное высказанными несказанностями...

Это язык острой, режущей мысли. Язык трепетного, рождающегося предчувствия. Язык волевых решений и свершений. Язык парения и пророчеств. Язык неуволимых прозрачностей и вечных глаголов.

Это язык зрелого самобытного национального характера. И русский народ, создавший – этот язык, сам призван достигнуть душевно и духовно той высоты, на которую зовет его – его язык...

Горе нам, что не умели мы беречь наш язык и бережно растить его, – в его звучании, в его закономерной свободе, в его ритме, и в ризах его органически выросшего правописания. Не любить его, не блюсти его, – значит не любить и не блюсти нашу Родину.

А что есть человек без Родины?

Чем были бы мы, если бы кому-нибудь удалось оторвать нас от нашей России?

Пусть же другие народы поймут и запомнят, что им только тогда удастся увидеть и постигнуть Россию, когда они познают и ночуют нашу речь. А до тех пор Россия будет им непонятна и недоступна; до тех пор они не найдут к ней ни духовного, ни политического пути.

Пусть мир познает наш язык и через него впервые коснется нашей Родины. Ибо тогда, и только тогда он услышит не о Ней, а Ее.

А о Ней – говорить нельзя. Она как живая тайна: Ею можно жить, о Ней можно вздыхать. Ей можно молиться; и, не постигая Ее, блюсти Ее в себе; и благодарить Творца за это счастье; и молчать.

2. О ПУТЯХ РОССИИ

Неисповедимы Божии пути. Сокрыты от нас Его предназначения, и знамения Его скудно постигаются нашим детским разумом. Лишь края риз Его касаемся мы в наших постижениях; и лишь в священном тумане виднеются нам судьбы нашей земли...

Есть ли русская душа, которая не вострепетала бы и не смутилась в наши годы и не подумала бы с укором о своем народе и с малодушием о судьбах и путях нашей России?.. О, эти годы, годы распада, бессилия и стона... Годы соблазна и стыда... восстания и отрезвляющей расплаты... И героического умирания лучших сынов... Нам ли не

смутиться? Нам ли не пасть духом? И когда же конец испытанию? И куда ведешь Ты нас, Ангел Божий?

* * *

Судьбы народа сокрыты в его истории. Она таит в себе не только его прошлое, но и его будущее; она являет собою его духовное естество: и его силу, и его дар; и его задание, и его призвание. История народа есть молчаливый глагол его духа; таинственная запись его судеб; пророческое знамение грядущего.

Эта запись о России дана всякой смущенной и вопрошающей русской душе, – пусть приникает и читает; и, читая, пусть разумеет и укрепляется; а укрепившись, пусть не малодушествует и не ропщет.

Пусть не думает, что мы «слабее или хуже всех народов»; пусть не судит легкомысленно или предательски о славянском племени; пусть не корит наших предков; пусть не тоскует и не трепещет за судьбы наших внуков. Но пусть в молитвенной уверенности борется за Россию и ожидает грядущих событий и свершений.

* * *

Ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ. И ни один народ не вынес из таких испытаний и из *таких* мук – *такой силы, такой самобытности*, такой духовной глубины. Тяжек наш крест. Не из одних ли страданий соткалась ткань нашей истории? И, если мы, подчас изнемогая, падаем под бременем нашего креста, то роптать ли нам и хулить ли себя в час упадка, или молиться, крепиться и собирать новые силы?..

Первое наше бремя, есть *бремя земли* – необъятного, непокорного, разбегающегося пространства: шестая часть суши, в едином великом куске; три с половиною Китая; сорок четыре германских империи. Не мы «взяли» это пространство: равнинное, открытое, незащищенное – оно само навязалось нам; оно заставило нас овладеть им, из века в век насылая на нас вторгающиеся отовсюду орды кочевников и армии оседлых соседей. Россия имела только два пути: или стереться и не быть; или замирить свои необозримые окраины оружием и государственною властью... Россия подняла это бремя и понесла его; и осуществила единственное в мире явление.

Второе наше бремя есть *бремя природы*. Этот океан суши, оторванный от вольного моря, которое зовет и манит (вспомним былинку о Садко), но само не дается и нам ничего не дарит... Эта гладь повсюдная, безгорная; и лишь на краю света маячат Карпаты и Кавказ, Урал и Саяны, не ограждая нас ни от бури, ни от врага... Эта почва, – скудная там, где леса дают оборону и благодатная там, где голая степь открыта для набега... Эти богатства, сокрытые в глубине и не дающиеся человеку до тех пор, пока он не создаст замирение и безопасность... Эти губительные засухи, эти ранние заморозки, эти бесконечные болота на севере, эти безлесные степи и сыпучие пески на юге: царство ледяного ветра и палящего зноя... Но Россия не имела выбора: славянские племена пришли, говорят, позднее других через ворота Азии и должны были вернуться с Карпатских гор на Русскую равнину. И это бремя было принято нами, и суровая природа стала нашею судьбою, единственною и неповторимою в истории.

И третье наше бремя есть *бремя народности*. Сто семьдесят миллионов людей, то сосредоточенных, то рассеянных в степях, то затерянных в лесах и болотах; до ста

восьмидесяти различных племен и наречий; и до самого двадцатого века – целая треть не славян и около одной шестой нехристианских исповеданий. Мы должны были принять и это бремя: не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь; не задушить иноплеменную и инославную жизнь; а дать всем жизнь, дыхание и великую родину. Найти ту духовную глубину, и ширину, и гибкость творческого акта, в лоне которых каждое включаемое племя нашло бы себе место и свободу посылно цвести, – одни доцветая, другие расцветая. Надо было создать духовную, культурную и правовую родину для всего этого разноголосого человеческого моря; всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему, и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство. Но для этого мы должны были – прежде всего – сами расти, молиться, творить и петь. И вот Россия подъяла и бремя своих народностей, подъяла и понесла его; – единственное в мире явление...

Нам дано было огромное обилие пространств и племен, несвязанных, несопринадлежащих, тянущих врозь, посягающих и распадающихся; и трудные, суровые условия жизни и борьбы. Мы должны были создать в этих условиях, из этого обилия, в три-четыре века единое великое государство и единую *великую* духовную культуру. Наш путь – вел из непрестанной нужды, через непрерывные, великие опасности, к духовному и государственному величию; и не было отсрочек; и не могло быть ни отпуска, ни отдыха. Вспомним: Соловьев насчитывает с 1240 г. по 1462 г. (за 222 года) – двести войн и нашествий. С четырнадцатого века по двадцатый (за 525 лет) Сухотин насчитывает 329 лет войны. Россия провела *две трети* своей жизни. Одно татарское иго длилось 250 лет; а в последний раз Москва была обложена татарами в самом конце шестнадцатого столетия.

Из века в век наша забота была не о том, как *лучше устроиться* или как *легче прожить*; но лишь о том, чтобы вообще как-нибудь прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность: не как справедливость и счастье добыть, а как врага или несчастье избыть; и еще: как бы в погоне за «облегчением» и «счастьем» не развязать всеобщую губительную смуту...

Народы не выбирают себе своих жребиев; каждый приемлет свое бремя и свое задание свыше. Так получили и мы, русские, наше бремя и наше задание. И это бремя превратило всю нашу историю в *живую трагедию жертвы*; и вся жизнь нашего народа стала *самоотверженным служением*, непрерывным и часто непосильным... И как часто другие народы спасались нашими жертвами, и безмолвно, и безвозвратно принимали наше великое служение... с тем, чтобы потом горделиво говорить о нас, как о «некультурном народе» или «низшей расе»...

* * *

История России есть история муки и борьбы: от печенегов и хазар – до великой войны двадцатого века. Отовсюду доступные, ни откуда не защищенные – мы веками оставались приманкой для оседлого запада и вожаемой добычей для кочевого востока и юга. Нам как будто на роду было написано – всю жизнь ждать к себе лихих гостей, всю жизнь видеть разгром, горе и разочарование; созидать и лишаться; строить и разоряться; творить в неуверенности; жить в вечной опасности; расти в страданиях и зреть в беде. Века тревоги, века бранного напряжения, века неудачи, ухода, собирания сил, и нового, непрекращающегося ратного напряжения – вот наша история. Погибла в разорении, едва расцветши, дивная киевская Русь – и уже ушла Россия на север, уже строит Суздаль Москву. Но не сложилась еще северная земля в своей чудной лесной строгости и созерцательной простоте, а уже огонь и меч татарина испепелили Россию... Мало было

уйти в *леса* , надо было еще уйти в *себя* , – в глушь сосредоточенного, скорбного молчания, в *глубь* молитвы, в немое, осторожное собирание перегорающей и выжидающей силы. Триста пятьдесят лет колобродили монголы на Руси; жгли и грабили; возвращались, свергнутые; и вламывались, изгнанные. Но не одолели Руси; сами изжились и выродились, иссякли и захирели, но не истожили утробу нашего духа.

Триста пятьдесят лет учились мы в горе и унижении. И научились. Чему?

Мы научились *хоронить нашу национальную святыню в недосыгаемости* . Мы постигли тайну уходящего Китежа, столь недоступного врагу и столь близкого нам, неразрушимого и всеосвящающего; мы научились внимать его сверхчувственному, сокровенному благовесту; в дремучей душевной чаше нашли мы таинственное духовное озеро, вечно огражденное, навеки неиссякающее, – *богovidческое око русской земли, око откровения* . И от него мы получили наше умудрение; и от него мы повели наше собирание сил и нашу борьбу, – наше национальное Воскресение... И от него мы поведем и впредь наше освобождение и национальное восстановление, – все равно, какие бы хищники ни завладели бы временно нашей Россией и какие народы не вторглись бы еще в наши пространства...

Вот откуда наша русская способность – *незримо возрождаться в зримом умирании, да славится в нас Воскресение Христово!*

Вот откуда наше русское умение – таить в глубине неиссякаемые, неисчерпаемые духовные силы, силы поддонного Кремля, укрытого и укрывающего «я» Вот откуда наше русское искусство – *побеждать отступая* , не гибнуть в огне земных пожаров и не распадаться в вещественной разрухе, все равно, горит ли Москва от Девлет-Гирея, или от двенадцати языков; пан ли Жолкевский засел под Иваном Великим, или Бонапарт взрывает Кремль, покидая его, или же коммунистические святотатцы выют свое поганое гнездо над Царь-Пушкой...

Мукою четырнадцати поколений научились мы – духовно отстаиваться в беде и в смуте; в распадении не теряться; в страдании трезветь и молиться; в несчастьи собирать силы; умудряться неудачей и творчески расти после *поражения* ; жить в крайней скудости, незримо богатея духом; не иссякать в истощении; не опустошаться в запустении; но возрождаться из пепла и на костях; все вновь начинать «ни с чего»; из ничего создавать значительное, прекрасное, великое... и быстро доводить возрожденную жизнь до расцвета...

Читайте же, малoverные, скрижали нашего прошлого; читайте и умудряйтесь; но стойте и боритесь до конца; и не ропщите в ожидании грядущего. Не меняет народ в пятнадцать лет смуты своего тысячелетнего уклада. Не избыть, не исчерпать коммунистам русской силы.

* * *

Изжились и расступились монгольские племена; и открыли нам пути на восток и на юг. Но не пришло успокоение на Русь: север и запад потянулись в наши просторы; и этой тяге, этому спору и отпору еще и поныне не сказано последнее слово. История России есть *история ее самообороны* : потому она и провоевала две трети своей жизни. Русский народ не жесток и не воинственен, – нет. он от природы благодушен, гостеприимен и созерцателен: но русские поля искони были со всех сторон открыты, и все народы рады были травить их безнаказанно. Издревле русский пахарь погибал без меча: а русский воин

кормился сохой и косою. Воевала Русь и один на один; воевала и против двух врагов, и против пяти, и против девяти, и против двенадцати. История наша есть история осажденной крепости; история сполоха, приступа, отражения и крови.

Так возник и быллой сословно-крепостной уклад: все были нужны России – и воины, и плательщики, и хозяева, и чиновники; каждый на своем месте, каждый во всей своей силе, каждый до последнего вздоха. И было время, когда великий русский царь закрепостив всю страну сверху донизу, – сам весь огонь вдохновения, весь служение, жертва и труд, – не пожалел и сына своего, закрепостив и его, в самой смерти его, грядущему величию родины.

И донныне изумляются наши историки, как мог русский народ нести такие жертвы и вносить такие подати. И мог и нес; и тем строил нашу великую Россию. И не было для него жертвы «чрезмерной»; а для русского солдата *не было «невозможного»*. И все спасались духом жертвы, духом подвига, духом единения – внимая сокровенному благовесту поддонного Кремля. И только временами, изнемогая от бремени, падая духом, запутываясь в чаще страстей, терял русский народ пути к своему Китежу, изменял служению, впадал в смуту и воровство, и гиб от внутренних посяганий и раздоров. Судить ли изнемогших? Клеймить ли того, кто пал духом? Отвергать ли и обречь ли того, кто временно запутался в злых страстях?

Велик в своем служении и в жертвенности русский народ. Тих, и прост, и благодушен, и даровит в быту своем. Глубок, и самобытен, и окрылен в богосозерцании. Но страстна и широка его душа, и по-детски отзывчива на искушения и соблазны. И в детской беспечности своей забывает он перекреститься, доколе не грянет гром. Но грянул гром – и перекрестится; и сгинет нечистое наваждение...

И уже, смотрите, – в годину величайшей соблазненности и величайшего крушения – уже началось и совершается *незримое возрождение в зримом умирании*. Да славится в нас Воскресение Христово...

* * *

Судьбы народа сокрыты в его истории. И мы, смущенные, мы, малодушные и маловерные, мы должны научиться читать и разуметь молчаливые глаголы нашего прошлого; разуметь сокровенные судьбы и явные дары, и таинственное призвание нашего народа, нашего русского величия: уверенно разуметь и уверенно провидеть грядущее всенародное воскресение России

Неисповедимы Божии пути. Сокрыты от нас Его предназначения. И только края ризы Его касаемся мы в наших постижениях.

Но в недрах нашего прошлого нам даны великие залогов и благодатные источники. И видя их, принимая к ним и упоаясь ими, мы уже не сомневаемся в тех путях, по которым ведет нас АНГЕЛ Божий, но в молитвенном напряжении уверенно ожидаем грядущих событий и свершений... Ибо с нами Господь нашего Китежа.

3. РОДИНА И ГЕНИЙ

В чужой стране, далеко от родных пределов, исстрадавшиеся и утомленные, но не забывшие и не разлюбившие, собираемся мы здесь, отторгнутые сыны, живые обломки нашей чудесной и несчастной России. Собираемся для того, чтобы сказать друг другу, что

мы – по-прежнему ее верные сыны; что по-прежнему мы ею живем и дышим; и что алтари ее будут святы в наших сердцах до последнего нашего земного вздоха...

Этот день Русской Культуры есть как бы день нашей свободно и добровольно из глубины обновляемой присяги, не формальной, а таинственно-духовной. – присяги на духовную верность нашей Родине. Что бы ни случилось с нами, какие бы еще испытания и страдания ни ожидали нас впереди, – ей принадлежат и будут принадлежать наши помыслы, наши мечты, наши усилия и труды, ей и ее грядущему, невиданному еще расцвету.

Это верно так, как священны ее святыни, как велики ее пророки и зиждители, как крылат ее дух и могуч ее язык. Это верно так как *есть Бог* и благодатны пути Его...

* * *

Легка и радостна нам эта духовная присяга; ибо в ней выговаривается то, что для нас единственно возможно. Ведь эту присягу выговаривают не уста наши, и не рассудок, и не душевное настроение; нет. – ее безмолвно произносит некое последнее недра нашего человеческого естества, над которым не властен человеческий произвол, но в глубине которого уже решен навеки вопрос, имеем ли мы Родину и где она.

Воистину не от человеческого произволения зависит иметь Родину или не иметь ее. оторваться от нее или переменить ее. Одни хотели бы уйти и не могут; другие хотели бы приобрести ее и знают, что для этого сделать... Здесь могут не помочь ни усилия сознания, ни решения воли; здесь может обмануть и мечта, и всякая бескрылая теория; и быт здесь не свяжет, ибо к быту можно привыкнуть; и даже начало расы и крови не сможет сказать здесь последнего, решающего слова.

Здесь – тайна, живая тайна неразрывной связи; и большинство людей стоит перед этой тайной как бы в беспомощности и бессилии: одни, счаст-ливые, нашедшие свою Родину, сами не зная как, богатые и сильные, с осмысленной и освященной жизнью; другие, несчастные, не нашедшие своей Родины и сами не знающие ни того, как это случилось, что они ее не нашли, ни того, что им надо сделать, чтобы ее обрести, – бедные, слабые и безродные, с неосмысленной и неосвященной жизнью...

И вот. нам счастливым и богатым, подобает здесь и сегодня, в День Русской Культуры, сказать друг другу об этой тайне; и о том, как Родина обретается, и о том, чем надлежит поддерживать в сердцах ее огонь.

Ибо легко и незаметно, так, как распускается цветок, как плывут облака и как текут наши великолепные, пышные реки, так рождается и слагается чувство Родины, и любовь к ней, и власть ее над человеком – тогда, когда люди *живут в своей стране и среди своего народа*, в потоке и в цветении его единой и общей жизни; и мы. прожившие так большую часть нашей жизни, получившие, напитавшиеся и обогатившиеся, – стали *русскими* легко и незаметно; и утратить нам нашу *русскость* невозможно.

Но не так обстоит с нашими детьми, или *безвременно оторванными* от единой и общей русской стихии, от русского быта, царственно насыщенного русским *бытием*; или же – *рождающимися на чужбине*. И у них *таинство России* не может свершиться в душе с тою незаметною легкостью рас-расцветания, как это было у нас.

Живя в чужой стране, в иной природе, окруженные чуждым бытом и нерусскими народами, они не могут напитаться духом своей Родины, пребывая в состоянии бездеятельной восприимчивости. Нет, Родина может быть дана им и может быть взята ими только в процессе *творчества, делания*, в процессе пробуждения, укрепления и насыщения тех задатков, которые скрыты в глубине их душ... Не так, как вздыхают лесные ароматы; но так, как находят, расчищают и окапывают подземные ключи.

И если мы, живя в своей стране, среди родного народа, могли быть уверены, что Родина сама пропитает души наших детей и удержит их в своем щедром и властном лоне; и если мы поэтому, как неразумные богачи, не заботились о главном сокровище наших душ и нашей жизни, – то ныне это стало невозможным. Ныне мы призваны к тому, чтобы найти ключи *от тайны русского духа*. Мы должны найти *пути*, которые ведут к *русскости* души; мы должны соблюсти эти тропинки и дороги. Мы должны передать нашим детям живую уверенность в том, что эти тропинки и эти дороги действительно ведут к *великим свершениям* и чудесным, еще невиданным возможностям; что быть *русским* – это *дар и счастье, призвание и обетования*; что в этом есть *Божия благодать*, зовущая к служению и подвигам. И затем мы должны указать нашему молодому поколению пути, ведущие к этому дару, и трудные задания, ожидающие его на этом пути, – вот так, как мудрая старушка снаряжала в путь Ивана-Царевича...

Но, чтобы передать эту мудрость нашим царевичам, нам надо самим сначала умудриться. Надо самим иметь и уметь. Надо знать, в *чем состоит русскость русского* и как приобретается она... – та особная своеобразность нашей Родины и ее народа, ее души и ее культуры, которую из других народов не любит и не чтит только тот, кто ее не изведал, не испытал и не уведал.

И если мы доселе не знаем этого и не умеем этого, то вот наше очередное и величайшее задание: познать, чтобы передать, и уметь, чтобы научить; – чтобы показать это и рассказать об этом и нашим детям, и другим народам, среди которых мы влачим неволю нашего рассеяния.

* * *

Не пытайтесь свести Родину к телесному, к земле и природе... Посмотрите: силою судеб мы оторваны ото всего этого; а она незримо присутствует в нас. Она не покинула нас и мы не оторвались от нее; а внешняя разлука состоялась уже давно.

Ищите лучше русскость русского духа прежде всего в *душевном укладе человека*, и еще в тех *содержаниях*, которые были созданы этим душевным укладом, а потом уже – в той природе, которая взлелеяла этот душевный уклад, и во всем том телесном и вещественном, что укрыло его в себе и явило его через себя.

Но не останавливайтесь на этом: ищите русскость русского в тех душевных состояниях, которые обращают человека к *Богу в небесах* и ко всему *божественному на земле*, т.е. в *духовности* человека. Вот подлинное жилище Родины, вот подлинное ее обнаружение, когда душа человека, «томимая духовной жаждою», отвертывается от «случайных и напрасных даров» земной жизни и, испытывая жизнь без Бога, как «мрачную пустыню», обращается из глубины своей к благодатным предметам.

Пусть скудны и слабы ее силы; пусть не дается ей более, чем осязание краешка ризы Божией... Но именно в эти минуты свои, в этих состояниях своих – она вся жизнь,

вся трепещет сверху донизу: в ней оживают ее *главные дары* ; в ней напрягаются ее *главные силы* и она переживает час своего *духовного плодоношения*.

В эти минуты, – знает человек это или не знает, хочет он этого или не хочет (и иногда может быть лучше, если не знает, если не старается и не умничает) – в эти миг и часы в бессознательной глубине его души, томившейся и рвавшейся, и вот, подобно ангелу, воспевшей песнь своего полета, пробуждаются *исконные, родовые, народные* силы души и содержание духа. И тогда человек любит именно так, как любит его народ в своеобразии своем; тогда он молится его молитвою; тоскует и поет так, как тоскует и поет его народ; «народно» творит, национально веселится и пляшет; – чудесно вдохновленный, являет и *осуществляет свою Родину*.

* * *

Душа не священна сама по себе; она священна *духом* и своею *одухотворенностью* .

И быт не свят сам по себе; он освящается *бытием* – личным и народным.

Но то, что освящено духом и бытием, то становится *его* сосудом или его ризою. И то, во что излился дух, – и человек, и картина, и напев; и храм, и крепостная стена, – становится священным и дорогим, как открывшийся мне и нам, нашему народу и нашей стране *лик самого Божества* .

И вот, Родина есть выстраданные нами и открывшиеся нам *лики Божи* : в молитвах, иконах и храмах; в песнях, поэмах и трагедиях; в созданиях искусства и в подвигах наших святых и героев. И еще. Родина – это тот национальный *строй и уклад души* , который выстрадался и выносился нашим народом в его бытии и в его быту, и который незаметно, но неизменно владеет и моею душою, ее дыханием, и вздохом, и стоном, и жестом, и языком, и пляскою. И еще, Родина – это те люди, те вдохновленные *боговидцы* и осененные *пророки* , которые пребывая в этом духе, осуществляя и закрепляя его, увидели и создали для нас узренные ими лики Божи.

Родина есть *нечто от духа и для духа* . И тот кто не живет духом, тот не будет иметь Родины; и она останется для него темною загадкою и странною ненужностью. На *безродность* обречен тот, у кого душа закрыта для Божественного, глуха и слепа для него. И если религия, прежде всего, призвана раскрыть души для божественного, то *интернационализм* безродных душ коренится, прежде всего, в *религиозном кризисе нашего времени*.

Но именно поэтому *творцы духа суть живые очаги Родины* . Назови мне, кто те пророки, гении и герои, перед которыми ты в любви преклоняешься, и я скажу тебе, какого ты духа и где твоя Родина...

Ибо ты любишь их и преклоняешься перед ними потому, что они облегчили тебе бремя твоей жизни, показали тебе путь к устройению твоей души, дали тебе утешение, дали тебе радость быть сильным; через них ты утвердил себя, свою личность, свой дух и свой характер; и поэтому. знаешь ты о том или не знаешь, – они твои пастыри, учителя и вожди, соз давшие твою Родину и указавшие ее тебе.

Свершив свое жизненное дело и покидая землю, гений оставляет нам в назидание и облегчение – ризу своего душевного уклада и своего духовного акта. И народы искони

понимали это, связывая свое бытие и свое национальное и государственное самоутверждение – с культом своих великих предков, героев и святых.

Дело пророка и гения состоит в том, что он, пребывая во внешней и внутренней стихии своего народа, приемля все его бремена и слабости, его страдания и беды, ставит себя, и в своем лице свой народ, *перед лицо Божие* и выговаривает от всего своего народа *символ национального Боговосприятия*. Этим он указывает своему народу верный путь к духу и духовности; и сам остается тем духовным очагом, около которого размножается среди целых поколений огонь духовного горения, размножается, не умаясь, не убывая; и сам остается тем духовным алтарем, вокруг которого собираются и из века в век будут собираться сыны его Родины, утверждая в нем и через него, через его творчество и через его создания – *свое единство с ним* и *свое единение с Родиной*.

Вот почему правы мудрецы, утверждавшие, что народ и его герои – суть одно.

Да, пророки и гении зиждут Родину...

И тот, кто ищет путей к России, тот пусть идет к ее гениям и пророкам. Ибо они подняли на свои плечи наши бремена и наши слабости, наши страдания и беды, и приняли дары нашей природы и нашего духа; и, поставив нас во всей этой данности перед лицом Божиим, – открыли наши очи, и отверзли наш слух, и дали нам мощный язык, и закалили наши сердца, и выговорили за нас и от нас символ нашего национального Боговосприятия. Они показали нам и то, чем мы *призваны* быть; и то, к чему мы *способны*; и то, *как* нам *восходить* на эту высокую и трудную гору. Это наши живые алтари, наши очаги, наши ангелы-хранители.

Не к ним ли, не к ним ли идти в минуту горя, в час крушения, в тот час, когда нам покажется, что наша жизнь «осуждена на казнь тайною судьбою»?

Не к ним ли вести наших детей, чтобы они дали им в порядке *чистой духовности* то, от чего тайная судьба отторгла их *по пространству и по быту*?

* * *

Да, конечно, к ним.

Тот, кто нашел свою Родину, тот знает ее гениев и пророков и испытывает их, как своих учителей, вождей и ангелов-хранителей. И тот, кто ищет путей к своей Родине для того, чтобы открыть их детям, – пусть ведет их к гениям, пророкам и вождям своей Родины.

И не естественно ли, не верно ли поступили мы, что связали День Русской Культуры, справляемый нами на чужбине, с именем нашего великого и чудесного Пушкина?

* * *

Единственный по глубине, и ширине, и силе, по царственной свободе духа и по завершённой необходимости формы, Пушкин, этот «таинственный певец», дан нам был для того, чтобы создать *солнечный центр нашей истории*, чтобы сосредоточить в себе все необъятное богатство русского духа и всю его вселенскую ширину, и вернуть все это в глаголах бессмертной красоты...

Он дан был нам, как залог, как обетование, как благодатное удостоверение того, что и на нашу ширь и на нашу страсть, и на наш беспредельный размах – *есть, и может быть, и будет найдена и создана* такая совершенная, такая завершенная форма, о которой мечтали и всегда будут мечтать для себя все народы...

Его дух, как некий грандиозный водоем, собрал в себе все живые струи, все подпочвенные воды русской истории и русского духа. И пока стоит Россия, до тех пор к целебным водам этой вдохновенно возмущенной купели будут собираться все ее народы –

и гордый внук славян,

и финн, и ныне дикий

тунгус, и друг степей калмык...

– все с одной жаждою, все с одной надеждою: упиться божественной гармонией, в которой восславлен Господь из глуби и шири нашего безмерного простора, наших непокорных страстей...

Здесь все наше бремя, и все страдания и трудности нашего прошлого, и все страсти наши – все принято, все умудрено, все очищено, все просветлено и прощено в глаголах законченной солнечной мудрости. Все смутное стало очевидным; все страдания преобразились в радость бытия. Оформились, не умаляясь, наши просторы; и дивными цветами зацвели горизонты нашего духа. Все нашло себе легкие законы неощутимо-легкой меры, и самое безумие явилось нам в образе вдохновенного прозрения и вещания. Взоры русской души обратились не к больным и бесплодным запутанностям, чреватых соблазнами и гибелью, а в кристальные глубины солнечных пространств. И дивное глубокомыслие и глубококочувствие сочеталось с радостью поющей и играющей формы...

Впервые раздался и был пропет Богу и миру от лица России гимн приятия и утверждения; гимн радости сквозь все страдания; гимн очевидности сквозь все пугающие мороки земли..

Впервые от лица России и к России была сказана эта чистая и могучая *осанна* – осанна глубокого, русским Православием вскормленного мироприятия и Бого-благословения; осанна пророка и поэта, мудреца и ребенка, о которой мечтали Гераклит, Шиллер и Достоевский...

И если какой-нибудь народ, одаренный и великий, измученный в непомерных напряжениях и страданиях своей истории, имел нужду и право на этот пророческий гимн, на эту радостную осанну, – то это был *наш* народ, это были мы, *русские* ...

И могло ли это не состояться, что этот радостный и чудный утешитель, этот совершитель нашего духовного акта, этот основоположник русского национального характера, этот завершитель нашего национального естества, – стал *солнечным центром нашей истории?*

Пушкин, наш шестикрылый серафим, отверзший наши зеницы и давший нам внять горнее и подводное естество мира, вложивший нам в уста «жало мудрых змей» и завещавший нам превратить наше трепетное и неуравновешенное сердце в огненный уголь, он дал нам залог и явь нашего национального величия, он раскрыл нам *блаженство и*

власть, и спасительность завершенной формы... И он же дал нам еще один великий и последний дар: он дал нам возможность, и основание, и право благословлять нашу Родину всегда и во всем, любить ее, гордиться ею и прозревать ее великое будущее, – нерушимо верить в нее и в ее грядущий расцвет, что бы ни принесла нам ее история, какие бы еще лишения и страдания ни выпали на долю русских поколений...

И в годы разложения и стыда, унижения и смуты, воочию созерцая «бессмысленный и беспощадный русский бунт», – сколько раз, там, в глубине России, в опасностях и тюрьмах, сколько раз спрашивали мы себя: «неужто конец? неужто мы погибли? неужто кончено с нашей замученной, с нашей изумительной Россией?..».

И каждый раз два луча утешали и укрепляли душу в ее утомлении и сомнении: *религиозная чистота и мудрость русского Православия и пророческая богоозаренность нашего дивного Пушкина...*

* * *

Скажем же всем народам, у очага которых мы сидим, как временные странники: «Хотите видеть и испытать Россию, – тогда идите к ее пророкам и гениям; и научитесь внимать им на их языке. Не думайте судить о России, не озарив свою душу подлинным звуком реченных Пушкиным глаголов. Научитесь петь и молиться с ним. Научитесь радоваться и принимать мир из цельности и глубины его осанны. Научитесь отводить ему его место в мировом пантеоне гениев; и поймите, что он был тем, чем хотели быть многие и многие из ваших гениев...».

А детей наших поведем и приведем к нашим алтарям, к нашим пророкам и нашим гениям. А из гениев – прежде всего и навсегда – к Пушкину...

Ибо здесь они найдут солнечное средоточие нашей истории.

Здесь они найдут свою Родину.

ЧТО СУЛИТ МИРУ РАСЧЛЕНЕНИЕ РОССИИ

I

1. Беседа с иностранцами о России, каждый верный русский патриот должен разъяснять им, что Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно слаженный «механизм» «областей», *но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению.* Этот организм есть географическое единство, части которого связаны *хозяйственным взаимопитанием* : этот организм есть *духовное, языковое и культурное* единство, исторически связавшее русский народ с его национально младшими братьями – *духовным взаимопитанием* : он есть *государственное и стратегическое* единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть *сущий оплот европейски-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия* . Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории *политической авантюрой* , гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена.

Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего

заражения. *И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся Вселенная.* Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и *гражданскими войнами*, которые будут постоянно перерастать в *мировые* столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейские, азиатские и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и «опорных пунктов»; мало того, выступят империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое «аннексирование» неустроенных и незащищенных новообразований (Германия двинется на Украину и Прибалтику, Англия покусится на Кавказ и на Среднюю Азию, Япония на дальневосточные берега и т.д.). Россия превратится в гигантские «Балканы», в вечный источник войн, в великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран («инфилтранты», «оккупанты», «агитаторы», «разведчики», революционные спекулянты и «миссионеры») – все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы Вселенной. Расчлененная Россия станет неизлечимой язвой мира.

2. Установим сразу же, что подготовляемое международною закулисою расчленение России не имеет за себя *ни малейших оснований*, никаких духовных или реально-политических соображений, кроме революционной демагогии, нелепого страха перед единой Россией и застарелой вражды к русской монархии и к Восточному Православию. Мы знаем, что западные народы не понимают и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство как плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения. Они собираются разделить всеединый российский «веник» на прутики, переломать эти прутики поодиночке и разжечь ими меркнущий огонь своей цивилизации. Им надо расчленить Россию, чтобы провести ее через западное уравнение и развязание и тем погубить ее: план ненависти и властолюбия.

3. Напрасно они ссылаются при этом на великий принцип «свободы»; «национальная свобода» требует-де «политической самостоятельности»... Никогда и нигде племенное деление народов не совпадало с государственным. Вся история дает тому живые и убедительные доказательства. Всегда были малые народы и племена, не способные к государственному самостоянию: проследите тысячелетнюю историю армян, народа темпераментного и культурно-самобытного, но не государственного; и, далее, спросите – где самостоятельные государства фламандцев (4,2 милл. – в Бельгии, 1 милл. – в Голландии) или валлонов (4 милл.)? Почему не суверенны уэльские кимры и шотландские гэлы (0,6 милл.)? где государства кроатов (3.000.000), словенцев (1.260.000), словаков (2,4 милл), вендов (65.000)? французских басков (170.000), испанских басков (450.000), цыган (до 5 милл.), швейцарских лодинов (45.000), испанских каталонцев (6 милл.), испанских галлегосов (2,2 милл.), курдов (свыше 2 милл.) и многого множества других азиатских, африканских, австралийских и американских племен?

Итак, *племенные «швы» Европы и других материков совершенно не совпадают с государственными границами.* Многие малые племена только тем и спаслись в истории, что примыкали к более крупносильным народам, государственным и толерантным: *отделить* эти малые племена значило бы – или *передать их новым завоевателям* и тем окончательно повредить их самобытную культурную жизнь, или *погубить их совсем*, что было бы духовно разрушительно, хозяйственно разорительно и государственно нелепо. Вспомним историю древней Римской империи – это множество народов, «включенных», получивших права римского гражданства, самобытных и огражденных от варваров. А современная Великобританская Империя? И вот именно таково же культуртрегерское задание единой России.

Ни история, ни современное правосознание не знает такого правила: «Сколько племен, столько государств». Это есть новоизобретенная, нелепая и гибельная доктрина; и ныне она выдвигается именно для того, чтобы расчленив единую Россию и погубить ее самобытную духовную культуру.

II

4. Далее, пусть не говорят нам о том, что «национальные меньшинства» России стояли под гнетом русского большинства и его Государей. Это вздорная и ложная фантазия. Императорская Россия никогда не денационализировала свои малые народы, в отличие хотя бы от германцев в Западной Европе.

Дайте себе труд заглянуть в историческую карту Европы эпохи Карла Великого и первых Каролингов (768–843 по Р.Х.). Вы увидите, что почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой (славянская «Лаба»!), через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю – *сидели славянские племена*: абодриты, лютичи, линоны, гевелы, редарии, укеры, поморяне, сорбы и много других. Где они все? Что от них осталось? Они подверглись завоеванию, искоренению или *полной денационализации* со стороны германцев. Тактика завоевателя была такова: после военной победы в стан германцев вызывался ведущий слой побежденного народа; эта аристократия *вырезывалась на месте*; затем обезглавленный народ подвергался *принудительному крещению в католицизм*, несогласные *убивались тысячами*; оставшиеся *принудительно и бесповоротно германизировались*. «Обезглавление» побежденного народа есть старый общегерманский прием, который был позднее применен и к чехам, а в наши дни – опять к чехам, полякам и русским (для чего и внедрены были в Россию большевики с их террором).

Видано ли, слышано ли что-нибудь подобное в истории России? Никогда и нигде! Сколько малых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла. Она выделяла, правда, верхние слои присоединенных племен, но лишь для того, чтобы *включить* их в *свой* имперский верхний слой. Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни всеуравнивающим обрусением она никогда не занималась. Насильственная денационализация и коммунистическая уравниловка появились только при большевиках.

И вот доказательство: население Германии, поглотившей столько племен, доведено посредством беспощадной денационализации до всегерманской однородности, а в России общие переписи установили сначала свыше ста, а потом до ста шестидесяти различных языковых племен и до тридцати различных исповеданий. И господа расчленители забывают, что *племенной* состав для затеваемого ими *политического расчленения* соблюла именно императорская Россия.

Вспомним хотя бы историю немецких колонистов в России. Подверглись ли они за 150 лет – денационализации? Они переселились на Волгу и в южную Россию во второй половине XVIII века и позже (1765–1809) в числе 40-50 тысяч. К началу XX века это был богатейший слой российского крестьянства, числом около 1.200.000 человек. Все соблюли свой язык, свои исповедания, свои обычаи. И когда доведенные экспроприацией большевиков до отчаяния, они хлынули назад в Германию, то немцы с изумлением услышали в их устах исконные – голштинские, вюртембергские и иные диалекты. Все сообщения о принудительной русификации были этим опровергнуты и посрамлены.

Но политическая пропаганда не останавливается и перед явной ложью.

5. Далее, надо установить, что самое расчленение России представляет задачу *территориально неразрешимую*. Императорская Россия не смотрела на свои племена, как на дрова, подлежащие перебросу с места на место; она никогда не гоняла их по стране произвольно. Расселение их в России было делом *истории и свободного оседания*: это был процесс *иррациональный*, не сводимый ни на какие географические размежевания; это был процесс колонизации, ухода, переселения, рассеяния, смешения, уподобления, размножения и вымирания. Откройте дореволюционную этнографическую карту России (1900–1910) – и вы увидите необычайную пестроту: вся территория наша была испещрена маленькими национальными «островками», «ответвлениями», «окружениями», племенными «заливами», «проливами», «каналами» и «озерами». Всмотритесь в это племенное смешение и учтите следующие оговорки: 1) все эти цветовые обозначения условны, ибо никто не мешал грузинам жить в Киеве или Петербурге, армянам – в Бессарабии или Владивостоке, латышам – в Архангельске или же на Кавказе, черкесам – в Эстонии, великороссам – повсюду и так далее; 2) поэтому все эти краски на карте обозначают не «исключительную», а только «преимущественную» племенную заселенность; 3) все эти племена за последние сто – двести лет вступали друг с другом в *кровное смешение*, причем дети от смешанных браков вступали в новые и новые племенные смешения; 4) учтите еще дар русского духа и русской природы *непринудительно и незаметно обрусевать* людей иной крови, что и передается в южнорусской поговорке: «Папа – турок, мама – грек, а я русский человек»; 5) распространите этот процесс на *всю* русскую территорию – от Аракса до Варангерской губы и от Петербурга до Якутска, – и вы поймете, почему провалилась большевистская попытка показным образом размежевать Россию на национальные «республики».

Большевикам не удалось отвести каждому племени его особую территорию потому, что все племена России разбросаны и рассеяны, кровно смешаны и географически перемешаны друг с другом.

Политически обособляясь, каждое племя претендует, конечно, на течение «своих» рек и каналов, на плодородную почву, на подземные богатства, на удобные пастбища, на выгодные торговые пути и на стратегические оборонительные границы, не говоря уже о главном «массиве» своего племени, как бы малочислен ни был этот «массив». И вот если мы отвлечемся от малых и рассеянных племен, как то: вотяки, пермяки, заряне, вогулы, остяки, черемисы, мордва, чуваша, ижора, талышинцы, крызцы, долгане, чуванцы, алеуты, лаки, табасаранцы, удины и другие, и взглянем только в национальную гущу Кавказа и Средней Азии, то мы увидим следующее.

Расселение более крупных и значительных племен в России таково, что каждое отдельное «государствице» должно было *отдать свои «меньшинства» соседям и включить в свой состав обильные чужие «меньшинства»*. Так обстояло в начале революции в Средней Азии с узбеками, таджиками, киргиз-кайсаками и туркменами: здесь попытки политического размежевания вызвали только ожесточенное соперничество, ненависть и неповиновение. Так же обстояло и на Кавказе. Застарелая национальная вражда между азербайджанскими татарами и армянами требовала строгого территориального раздела, а этот раздел оказался совершенно неосуществим: обнаружились большие территориальные узлы со смешанным населением; и только присутствие советских войск предотвращало взаимную резню. Подобные же большие узлы образовались при размежевании Грузии и Армении уже в силу одного того, что в Тифлисе, главном городе Грузии, армяне составляли почти половину населения, и притом наиболее зажиточную половину.

Понятно, что большевики, желавшие под видом «национальной самостоятельности», *изолировать, денационализировать и интернационализировать* российские племена, разрешали все эти задачи диктаториальным произволом, за которым скрывались партийно-марксистские соображения, и силою красноармейского оружия.

Так, национально-территориальное размежевание народов было делом искони безнадежным.

III

6. Ко всему сказанному надо добавить, что целый ряд российских племен живет доньше в состоянии духовной и государственно-политической малокультурности: среди них есть такие, что пребывают религиозно в самом примитивном шаманстве; вся «культура» сводится у многих к кустарным ремеслам; кочевничество далеко еще не изжито; не имея ни естественных границ своей территории, ни главных городов, ни своих письменных знаков, ни своей средней и высшей школы, ни своей национальной интеллигенции, ни национального самосознания, ни государственного правосознания, они (как это было известно русскому Императорскому Правительству и как это подтвердилось при большевиках) неспособны к самой элементарной политической жизни, не говоря уже о разрешении сложных задач судопроизводства, народного представительства, техники, дипломатии и стратегии. В руках большевиков они оказались политическими «куклами», надетыми на «пальцы» большевистской диктатуры: двигались эти пальцы – и несчастные куклы шевелились, кланялись, покорно разводили руками и лепетали партийно-марксистские пошлости. Демагогия и обман, экспроприация и террор, разрушение религии и быта – выдавались за «национальный расцвет» российских меньшинств, а на Западе находились глупцы и продажные корреспонденты, которые воспевали это «освобождение народов».

Неизбежен вопрос: *после* отчленения этих племен от России – *кто* завладеет ими? Какая иностранная держава будет разыгрывать их и тянуть из них жизненные соки?..

7. С тех пор протекли десятилетия большевистского произвола, голода и террора. С тех пор пронесся ураган второй войны и была проведена послевоенная «национальная чистка». Вот уже 33 года, как большевики убивают или вымаривают голодом непокорные слои населения и перебрасывают людей всех российских племен и наций массами в концлагеря, в новые города и на фабрики. Вторая мировая война сдвинула с места всю западную половину Европейской России, уводя одних („украинцев“, немецких колонистов, евреев) на восток к Уралу и за Урал, а других на запад, в качестве племенных „остарбейтеров“, или беженцев (в том числе добровольно ушли в Германию целую массу калмыки). Немцы заняли тогда русскую территорию с населением около 85 миллионов людей, массами расстреливали заложников и истребили около полутора миллиона евреев. Этот режим расстрелов и передвижений продолжался затем при большевиках после обратного занятия ими отвоєванных у них территорий. Потом начались расправы с национальными меньшинствами: надо считать почти погубленными – *немцев-колонистов, крымских татар, карачаев, чеченцев и ингушей*; а ныне расправа продолжается в Эстонии, Латвии и Литве. Представители УНРА исчислили погибших жителей Белоруссии в 2,2 миллиона, а на Украине – в 7–9 миллионов. Помимо этого, нам достоверно известно, что выбывающее население Украины, Белоруссии и Прибалтики *пополняется населением из центральных губерний, с иными национальными традициями и тяготениями.*

Все это означает, что процесс вымирания, национальной перетасовки и племенного смещения достиг в России за время революции небывалых размеров. Целые племена исчезли совсем или сведены к ничтожеству; целые губернии и области очнутся после революции с *новым составом населения*; целые уезды окажутся *запустевшими*. Все прежние планы и расчеты господ расчленивателей окажутся беспочвенными и несостоятельными. Если же советская революция закончится третьей мировой войной, то в племенном и территориальном составе русского населения произойдут такие изменения, после которых сама идея национально-политического расчленения России может оказаться совершенно нежизненной химерой, планом не только *изменническим*, но просто *глупым и неосуществимым*.

8. И тем не менее мы должны быть готовы к тому, что расчлениватели России попытаются провести свой враждебный и нелепый опыт даже и в послебольшевистском хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество «свободы», «демократии» и «федерализма» – российским народам и племенам на погибель, авантюристам, жаждущим политической карьеры, на «процветание», врагам России на торжество. Мы должны быть готовы к атому, во-первых, потому, что германская пропаганда вложила слишком много денег и усилий в украинский (а может быть, и не только в украинский) сепаратизм; во-вторых, потому, что психоз мнимой «демократии» и мнимого «федерализма» охватил широкие круги пореволюционных честолюбцев и карьеристов; в-третьих, потому, что мировая закулиса, решившая расчленивать Россию, отступит от своего решения только тогда, когда ее планы потерпят полное крушение.

IV

9. И вот когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг «Народы бывшей России, расчленийтесь!», то откроются две возможности;

или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои руки крепкие «бразды правления», погасит этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране;

или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмищений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия.

Тогда Россия будет охвачена *анархией* и *выдаст себя* с головой своим национальным, военным, политическим и вероисповедным врагам. В ней сложится тот водоворот погромов и смуты, тот «Мальстрем нечисти», на который мы указали в пункте 1; тогда отдельные части ее начнут искать спасения в «бытии о себе», то есть в расчленении.

Само собой разумеется, что этим состоянием анархии захотят воспользоваться все наши «добрые соседи»; начнутся всевозможные военные вмешательства под предлогом «самоограждения», «замирения», «вводнения порядка» и так далее. Вспомним 1917–1919 гг., когда только ленивый не брал плохо лежащее русское добро; когда Англия топила союзно-русские корабли под предлогом, что они стали «революционно опасными», а Германия захватила Украину и докатилась до Дона и Волги. И вот «добрые соседи» снова пустят в ход все виды интервенции: дипломатическую угрозу, военную оккупацию, захват сырья, присвоение «концессий», расхищение военных запасов, *одиночный партийный и массовый подкуп*, организацию наемных сепаратистских банд (под названием

«национально-федеративных армий»), создание марионеточных правительств, разжигание и углубление гражданских войн по китайскому образцу А новая Лига Наций попытается установить «новый порядок» посредством заочных (Парижских, Берлинских или Женевских) резолюций, направленных на подавление и расчленение Национальной России.

Допустим на момент, что все эти «свободолюбивые и демократические» усилия временно увенчаются успехом и Россия будет расчленена. Что же даст этот опыт российским народам и соседним державам?

10. При самом скромном подсчете – до двадцати отдельных «государств», не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армий, ни бесспорно национального населения. До двадцати пустых названий. Но природа не терпит пустоты. И в эти образовавшиеся политические ямы, в эти водовороты сепаратистской анархии хлынет человеческая порочность: во-первых, вышколенные революцией авантюристы под новыми фамилиями; во-вторых, наймиты соседних держав (из русской эмиграции); в-третьих, иностранные искатели приключений, кондотьеры, спекулянты и «миссионеры» (перечитайте «Бориса Годунова» Пушкина и «Исторические хроники» Шекспира). Все это будет заинтересовано в *затягивании хаоса, в противорусской агитации и пропаганде, в политической и религиозной коррупции.*

Медленно, десятилетиями будут слагаться новые, отпавшие или отчлененные государства. Каждое поведет с каждым соседним длительную борьбу за территорию и за население, что будет равносильно *бесконечным гражданским войнам* в пределах России.

Будут появляться все новые жадные, жестокие и бессовестные «псевдогенералы», добывать себе «субсидии» за границей и начинать новую резню. Двадцать государств будут содержать 20 министерств (20X 10, по меньшей мере 200 министров), двадцать парламентов (20X 200, минимум 4000 парламентариев), двадцать армий, двадцать штабов, двадцать военных промыш-ленностей, двадцать разведок и контрразведок, -двадцать полиций, двадцать таможенных и запретительных систем и двадцать всемирно разбросанных дипломатических и консульских представительств. Двадцать расстроенных бюджетов и монетных единиц потребуют бесчисленных валютных займов; займы будут даваться «державами» под гарантии – «демократического», «концессионного», «торгово-промышленного» и «военного» рода. Новые государства окажутся через несколько лет *сателлитами соседних держав, иностранными колониями или «протекторатами».* Известная нам из истории *федеративная неспособность* русского населения и столь же исторически доказанная тяга его к «самостоятельному фигурированию» – довершат дело: о федерации никто и не вспомнит, а взаимное ожесточение российских соседей заставит их предпочитать *иноземное рабство всерусскому единению.*

11. Чтобы наглядно вообразить Россию в состоянии этого длительного безумия, достаточно представить себе судьбу «Самостийной Украины».

Этому «государству» придется прежде всего создать *новую оборонительную линию* от Овруча до Курска и далее через Харьков на Бахмут и Мариуполь. Соответственно должны будут «ощетиниться» фронтом против Украины и Великороссия, и Донское Войско. Оба соседних государства будут знать, что Украина опирается на Германию и *является ее сателлитом;* и что в случае новой войны между Германией и Россией немецкое наступление пойдет с самого начала от Курска на Москву, от Харькова на Волгу и от Бахмута и Мариуполя на Кавказ. Это будет новая стратегическая ситуация, в которой

пункты *максимального* донныне продвижения германцев окажутся их *исходными пунктами*.

Нетрудно представить себе и то, как к этой новой стратегической ситуации отнесутся *Польша, Франция, Англия и Соединенные Штаты*, они быстро сообразят, что признать «Самостийную Украину» – значит *отдать ее германцам* (то-есть, *признать первую и вторую мировые войны проигранными!*) и *снабдить их не только южнорусским хлебом, углем и железом, но и уступить им Кавказ, Волгу и Урал*.

На этом может начаться отрезвление Западной Европы от «федеративного» угара и общерусского расчленения.

V

12. Из всего этого явствует, что план расчленения Россия имеет свой предел *в реальных интересах России и всего человечества*. Доколе ведутся отвлеченные разговоры, доколе политические доктринеры выдвигают «соблазнительные» лозунги, делают ставку на русских изменников и забывают империалистическую похоть предприимчивых соседей; доколе они считают *Россию конченою* и похороненною, а потому беззащитною, – дело ее расчленения может представляться решенным и легким. Но однажды великие державы реализуют в воображении неизбежные последствия этого расчленения, и однажды Россия очнется и заговорит; тогда решенное окажется проблематичным и легкое – трудным.

Россия как добыча, брошенная на расхищение, есть величина, которую *никто не осилит*, на которой *все перессорятся*, которая вызовет к жизни *неимоверные и неприемлемые* опасности для всего человечества. Мировое хозяйство, и без того выведенное из равновесия утратой здорового производства России, увидит себя перед закреплением этого бесплодия на десятки лет. Мировое равновесие, и без того ставшее шатким, как никогда, окажется обреченным на новые невиданные испытания. Расчленение России не даст ничего *далеким* державам и невероятно укрепит *ближайших соседей – империалистов*. *Трудно придумать меру, более выгодную для Германии, как именно провозглашение русской «псевдофедерации»*: это значило бы «списать со счета» первую мировую войну, весь междувоенный период (1918–1939) и всю вторую мировую войну – и *открыть Германии путь к мировой гегемонии*. Самостийная Украина только и может быть «трамплином», *ведущим немцев к мировому водительству*.

Именно Германия, восприняв старую мечту Густава Адольфа, силится отбросить Россию до «Московской эпохи». При этом она, рассматривая русский народ как предназначенный для нее исторический «навоз», совершенно неспособна понять, что *Россия не погибнет от расчленения, но начнет воспроизведение всего хода своей истории заново*: она, как великий «организм», снова примется собирать свои «члены», продвигаясь по рекам к морям, к горам, к углю, к хлебу, к нефти, к уранию.

Легкомысленно и неумно поступают враги России, «впрыскивая» российским племенам политически безумную идею расчленения. Эта идея расчленения европейских держав была однажды выдвинута на Версальском конгрессе (1918). Тогда она была принята и осуществлена.

И что же?

В Европе появился ряд *небольших* и в самоотстаивании *слабосильных государств* : Эстония, Латвия и Литва; многоземельная, но неудобозащитимая Польша; стратегически безнадежная, ибо всюду удобопроломимая и внутренне разъединенная Чехословакия; маленькая и разоруженная Австрия; урезанная, обиженная и обессиленная Венгрия; до смешного раздувшаяся и стратегически ничего не стоящая Румыния, – и не по-прежнему обширная, но по-новому оскорбленная, мечтающая о реванше Германия. С тех пор прошло тридцать лет, и когда мы теперь оглядываемся на ход событий, то невольно спрашиваем себя: может быть, версальские политики хотели приготовить для воинственной Германии обильную и не защищенную добычу – от Нарвы до Варны и от Брегенца до Барановичей? Ведь они превратили всю эту европейскую область в какой-то «детский сад» и оставили этих беззащитных «красных шапочек» наедине с голодным и обозленным волком... Были ли они столь наивны, что надеялись на французскую «гувернантку», которая «воспитает» волка? Или они недооценили жизненную энергию и горделивые замыслы немцев? Или они думали, что Россия по-прежнему спасет европейское равновесие, ибо воображали и уверяли себя, что Советское государство и есть Россия? Что ни вопрос, то нелепость...

Трудно теперь сказать, о чем именно эти господа тогда думали и о чем не думали. Ясно только, что приготовленное ими расчленение Европы, заключенной между германским и советским империализмом, было *величайшей глупостью двадцатого века* . К сожалению, эта глупость их ничему не научила и рецепт расчленения опять извлечен из дипломатических портфелей.

Но для нас поучительно, что европейские политики заговорили *одновременно* – о *панъевропейском объединении* и о *всероссийском расчленении* ! Мы давно прислушиваемся к этим голосам. Еще в двадцатых годах в Праге видные социалисты-революционеры публично проболтались об этом замысле, избегая слова «Россия» и заменяя его описательным выражением – «страны, расположенные к востоку от линии Керзона». Мы тогда же отметили эту многообещающую и, в сущности, изменническую терминологию и сделали соответствующий вывод: *мировая закулиса хоронит единую национальную Россию* ...

Не умно это. Не дальновидно. Торопливо в ненависти и безнадежно на века. Россия – не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего *великий народ* , не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!

Мукою четырнадцати поколений научились мы – духовно отстаиваться в беде и в смуте; ... все вновь начинать «ни с чего»; из ничего создавать значительное, прекрасное, великое... и быстро доводить возрожденную жизнь до расцвета...